

БЛИЗКИЕ КОНТАКТЫ

И ХИППИ,

Артур
АРИСТАКИСЯН:

ЗА ЛЮДЬМИ МОЖНО
ТОЛЬКО НАБЛЮДАТЬ

И МИЛИЦИОНЕР

Вет. Москва - 2002 - 19 июня - с 5.

Артур Аристакисян — едва ли не самый «трудный» человек в отечественном кино. С одной стороны, знаменитость (его работы отмечала отечественная «Ника» и Берлинский МКФ). С другой стороны, почти персона нон-грата: дескать, фильмы у него маргинальные.

То, что на их показах люди падали в обморок, — чистая правда. Герои «Ладоней» и «Места на Земле» (поначалу фильм назывался «Мария») реальные нищие (обитатели города Кишинева и московского «булгаковского» дома на Садовой, который функционировал как сквот, аналог коммуны хиппи, достаточно долго). Мухи, гнездящиеся в одежде; детские трупики на мусорных кучах. И люди, которые выплывают и выпадают из Системы — только затем, чтобы попасть в новую, в которой нет денег и собственности, но есть все те же болезни, все та же милиция и все та же толпа.

Работы Аристакисяна кто-то считает «бессмысленным зловонным откровением провокатора-хиппи», кто-то — необходимой прививкой от «комнатного» европейского гуманизма. Наиболее частый эпитет, прилагаемый к творчеству Аристакисяна, — «другой».

У Аристакисяна демоническая внешность. Обитает во вполне буржуазной квартире на Чистых прудах — даже слишком благопристойной для человека, который десять лет жил в сквоте. Но на «перебесившегося» и «остенившего» не похож.

Дарья
АКИМОВА

— Твой диктофон хорошо записывает? Я вот тоже диктофоны люблю — хожу по улицам (на окраины почти никогда не езжу, там убить могут), записываю шумы, сам бормочу что-нибудь. Хотя голос свой я не люблю — он лживый какой-то.

— Как на тебя, такого волосатого и бормочущего, менты реагируют?

— А что? Нормально. Когда у меня не было регистрации, приходилось изворачиваться. Изображал

из себя гомосексуалиста, трансвестита — к ним спокойнее относятся: что с таких взять?..

— Ты часто мелькаешь в тусовках?

— Плохо, если так кажется. Просто знакомых заводить надо. Богатых. И только.

— Ты легко забываешь людей?

— Уже да. Мне понадобилось тридцать три года, чтобы стать циником.

— Почему ты восемь лет поступал во ВГИК?

— Институт действительно один, других не было. Тогда места были заняты детьми режиссеров и актеров, хорошо если были два свободных места на мастерскую. Так что одержимостью это назвать трудно. Ну поступал и поступал. Просто знал, что буду заниматься режиссурой. Для меня в этом была жизнь. Ну как для филателиста она в марках, так для меня она была в пленке, в картинке.

— Как ты жил в детстве?

— Старался держаться подальше от сверстников. Я от них никакой информации не получал.

— Ты все время говоришь «получал». А отдавать?

— Человек не думает о том, чтобы отдать. Он думает, как получить. И любят для того, чтобы получить. Слобово к своему ребенку — то же самое. Нельзя ведь любить чужого, правда?

— У тебя дети есть?

— Нет. Не люблю детей. А впрочем, может, и люблю. Меня всегда тянуло их потискать, поиграть с ними, как с куклами. Мне очень нравятся цыганские дети — те, ко-

торые еще не начали работать (в пять лет они уже взрослые), совсем маленькие. Они, как щенки, как котята. Впрочем, животных я тоже не люблю. Я изучаю людей.

— Ты подлаешь нищим?

— Я наблюдаю за ними, и они это чувствуют. Иногда я сам прошу у них деньги. Чаше дают.

— Ты говоришь, что боль связана с удовольствием?

— Один мой знакомый страшно избивает свою жену, а она от этого получает удовольствие. Они любят ненавидят друг друга. Это ведь одно чувство, только с разных точек зрения. А творческие люди всегда используют боль как источник энергии. Художник только боится и может оживлять «спящую красавицу». Душу. Если человек боится своих страхов, своих патологий, боится показаться «низким» перед своими близкими — то какой из него художник? А ника-

кой. Режиссер обязан над собой и над близкими экспериментировать. Например, принимать наркотики.

— Наркотический опыт тебе много дал?

— Нет. Мне вообще опыты давали не слишком много. Я теперь знаю, что люди невежественны, грубы и необразованны — за редким исключением. Я не работаю ни для тех, ни для других. По большому счету, мне это не нужно.

— Ты легко идешь на конфликт?

— Нет. Очень боюсь. Любый незначительный конфликт у меня может перерасти в катастрофу. Стараюсь «сглаживать».

— Но ты же пошел на конфликт из-за «Марии»?

— Только когда продюсер стал вмешиваться в работу. Мой продюсер Борис Айрапетян решил «сократить» фильм до 90 минут (материала было на 140). Фонд

«Новое кино» дал мне 50 тысяч долларов, чтобы спасти фильм. Теперь он все-таки существует в моей версии.

— Как у тебя сейчас с деньгами?

— Немного денег у меня есть — от продажи «Ладоней». На еду. Фильм сейчас существует в двух копиях — а больше и незачем. Кинотеатрам эти фильмы не нужны. Актеров я уговаривал сниматься бесплатно.

— Прообраз у героя был?

— Был.

— Ты сам?

— Причем здесь я? Просто человек населен очень разными персонажами: в нем есть и хиппи, и милиционер. Полицейский, охранник. Надо наблюдать за ним, знать, когда он приходит на работу. Многие хотят «сделать себя лучше». Это бесполезно. Все равно что победить дьявола. За людьми можно только наблюдать.